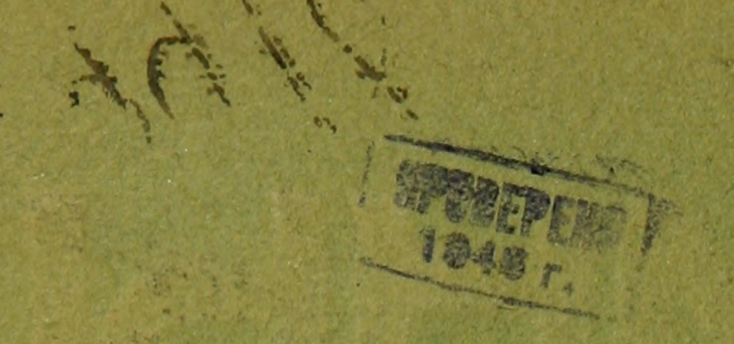
КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 49

МОСКВА,
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1913.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи Н. К. Рериха.

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 49.

А. М. Кустодіевъ. Въ Московской гостиной 40-хъ годахъ.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1913.

…одажа по цене выше обозначенной
…карается по закону

…истема мер

Меры веса

тонна (*т*) = 1000 килограммов (*кг*)
центнер (*ц*) = 100 килограммам (*кг*)
килограмм (*кг*) = 1000 граммов (*г*)
грамм (*г*) = 1000 миллиграммов (*мг*)

Меры объема

куб. метр (*куб. м*) = 1000 кубических дециметров = 1 000 000 *куб. см*
куб. дециметр (*куб. дм*) = 1000 куб. сантиметров (*куб. см*)
литр (*л*) = 1 куб. дециметру (*куб. дм*)
гектолитр (*гл*) = 100 литрам (*л*)

…ножения

…4 × 1 = 4 5 × 1 = 5

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А.А.ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.
1912.

Въ сороковые годы.

(Къ картинѣ Б. М. Кустодіева «Въ Московской гостиной 40-хъ годовъ».)

На картинѣ изображенъ московскій салонъ начала сороковыхъ годовъ, такъ блестяще описанный А. И. Герценомъ, современникомъ и представителемъ тѣхъ живыхъ общественныхъ силъ, которыя дѣятельностью своего ума и таланта творили грядущее пробужденіе русскаго общества и русской общественной мысли изъ той насильственной спячки, которая современникамъ казалась смертью. Это была пора, когда послѣ 14 декабря 1825 года все замолкло, какъ бы испуганное событіями, когда родственники участниковъ событія не осмѣливались громко говорить о судьбѣ, постигшей ихъ дѣтей, племянниковъ и внуковъ, и еще менѣе осмѣливались говорить и судить о подвигѣ княгинь Волконской и Трубецкой, добровольно уѣхавшихъ въ Сибирь за своими сосланными мужьями.

Тогда настала пора господства строжайшей правительственной опеки, охватившей всѣ области, какъ государственной такъ и общественной жизни. Въ цѣляхъ охраны Россіи отъ революціи «создалась,—какъ говоритъ проф. Любимовъ,—правительственная система, съ которой не могъ примириться ни одинъ независимый умъ, прилаживаться къ которой свободная мысль могла, лишь заглушая себя, скрываясь, побѣждая себя, сосредоточивая вниманіе на свѣтлыхъ сторонахъ и закрывая глаза на темныя, удовлетворяясь довольствомъ личнаго положенія, лицемѣря, вольно или невольно, чтобы не прать противъ рожна... Государственная идея, высокая сама по себѣ и крѣпкая въ державномъ источникѣ ея, въ практикѣ жизни приняла исключительную форму «начальства». Начальство сдѣлалось—все въ странѣ. Все Кесареви—Богови оставалось весьма немного. Все сводилось къ простотѣ отношеній начальника и подчиненнаго... Въ то время купецъ торговалъ, потому что была на то милость начальства; обыватель ходилъ по улицѣ, спалъ послѣ

обѣда—въ силу начальническаго позволенія... Воздухомъ дышали, потому что начальство, снисходя къ слабости нашей, отпускало въ атмосферу достаточное количество кислорода. Рыба плавала въ водѣ, птицы пѣли въ лѣсу, потому что такъ разрѣшено было начальствомъ. Начальникъ былъ безотвѣтственен въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но имѣлъ въ тѣхъ же условіяхъ начальство и надъ собою. Для народа, несшаго тяготы и крѣпостныхъ и государственныхъ повинностей со включеніемъ тяжкой рекрутчины, то было время нелегкой службы. Военные люди, какъ представители дисциплины и подчиненія, имѣли первенствующее значеніе, считались годными для всѣхъ родовъ службы. Гусарскій полковникъ засѣдалъ въ синодѣ въ качествѣ оберъ-прокурора. За то полковой священникъ, подчиненный оберъ-священнику, былъ служивый въ рясѣ, независимый отъ архіерея... Всякая независимая отъ службы дѣятельность человѣка считалась развѣ только терпимой при незамѣтности и немедленно возбуждала опасеніе, какъ только чѣмъ-либо явно обнаруживалась... Тѣлесныя наказанія считались главнымъ орудіемъ дисциплины и основою общественнаго воспитанія. Отъ ученія требовали только практической пригодности, наука была въ подозрѣніи...» «Литературы,—разсказываетъ современникъ И. С. Тургеневъ,—въ смыслѣ живого проявленія одной изъ общественныхъ силъ, находящейся въ связи съ другими столь же и болѣе важными проявленіями ихъ,—не было, какъ не было прессы, какъ не было гласности, какъ не было личной свободы; а была словесность и были такіе словесныхъ дѣлъ мастера, какихъ мы уже потомъ не видали...»

Жизнь принимала все болѣе придавленный, сѣрый характеръ. «Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ,—разсказываетъ въ своемъ дневникѣ будущій академикъ и профессоръ Никитенко, описывая нравственное состояніе молодежи конца 20-хъ и 30-хъ годовъ,—но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму; что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями, что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а сол-

датская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основанiи котораго позволено дѣйствовать,—тогда все юное поколѣнiе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высокiя чувствованiя, всѣ идеи, согрѣвавшiя его сердце, воодушевлявшiя его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенiя,—а мечтать людямъ умнымъ смѣшно...»

Въ литературѣ, скованной цензурными тисками, царили и задавали тонъ Ѳаддей Булгаринъ и его другъ Гречъ; шумнымъ успѣхомъ въ большой публикѣ пользовался Сенковскiй, человѣкъ безспорно талантливый, но не имѣвшiй никакихъ опредѣленныхъ убѣжденiй; «массѣ общества была по плечу его фельетонная болтовня подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса, по плечу были Бенедиктовъ съ его напыщенными стихами, Марлинскiй и Загоскинъ съ надутыми реторическими романами, не имѣвшими никакихъ соприкосновенiй съ дѣйствительностью. Пушкина, въ пору совершенной зрѣлости его таланта, Гоголя, начинавшаго блестяще свою литературную дѣятельность, цѣнили, сравнительно съ общей массой публики, ничтожныя единицы. Первое изданiе «Героя нашего времени» (1840 г.), несмотря на хорошiе отзывы Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», сначала совсѣмъ не расходилось; это побудило издателей обратиться къ Булгарину и попросить его написать въ «Сѣверной Пчелѣ» объ этомъ произведенiи. Какъ только появилась въ газетѣ Булгаринская статья, изданiе раскупили на расхватъ». Издательство и книжная торговля падали, число выпускаемыхъ книгъ сокращалось съ каждымъ годомъ. Цензура пропускала только то, что хвалило и славословило существующiй порядокъ и безпощадно истребляло не только все порицавшее, но даже и просто не славословившее.

Министръ народнаго просвѣщенiя, графъ Уваровъ, задачей своей дѣятельности ставилъ создавать «умственныя плотины». «Мы, т.-е. люди XIX-го вѣка въ затруднительномъ положенiи,—говорилъ онъ, какъ передаетъ А. В. Никитенко,—мы живемъ среди бурь и волненiй политическихъ. Народы измѣняютъ свой бытъ, обновляются, волнуются, идутъ впередъ. Никто здѣсь не можетъ предписывать своихъ законовъ. Но Россiя еще юна, дѣвственна и не должна вкусить, по крайней мѣрѣ теперь еще, сихъ кровавыхъ тревогъ. Надобно продлить ея юность и тѣмъ временемъ воспитать ее. Вотъ моя политическая система. Я знаю, чего хотятъ наши либералы, наши

журналисты и ихъ клевреты: Гречъ, Полевой, Сенковскій и прочіе. Но имъ не удастся бросить своихъ сѣмянъ на ниву, на которой я сѣю и которой я состою стражемъ,—нѣтъ, не удастся. Мое дѣло не только блюсти за просвѣщеніемъ, но и блюсти за духомъ поколѣнія. Если мнѣ удастся отодвинуть Россію на 50 лѣтъ отъ того, что готовятъ ей теоріи, то я исполню мой долгъ и умру спокойно. Вотъ моя теорія; я надѣюсь, что это исполню. Я имѣю на то добрую волю и политическія средства. Я знаю, что противъ меня кричатъ,—я не слушаю этихъ криковъ. Пусть называютъ меня обскурантомъ, — государственный человѣкъ долженъ стоять выше толпы...» Надо создать особое просвѣщеніе, создать «образованіе правильное, основательное, необходимое въ нашемъ вѣкѣ, съ глубокимъ убѣжденіемъ и теплою вѣрою въ истинно-русскія охранительныя начала Православія, Самодержавія и Народности, составляющія послѣдній якорь нашего спасенія и вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего отечества. Въ нынѣшнемъ положеніи вещей и умовъ нельзя не умножать, гдѣ только можно, число умственныхъ плотинъ...»

«Подъ вліяніемъ особенныхъ случайностей, особенныхъ обстоятельствъ жизни Европы (съ 1830 по 1840-ые года), у насъ понемногу сложилось убѣжденіе, конечно, справедливое, но въ ту эпоху едва ли не рановременное убѣжденіе,—въ томъ, что мы не только великій народъ, но что мы великое, вполнѣ овладѣвшее собою, незыблемо твердое государство», что у насъ «все благополучно», что «прошлое Россіи,—какъ выразился по поводу философскихъ писемъ П. Я. Чаадаева шефъ жандармовъ гр. А. X. Бенкендорфъ,—было достойно удивленія; ея настоящее болѣе нежели великолѣпно; что же касается будущаго ея, то оно выше всего, что только можетъ вообразить себѣ самое смѣлое воображеніе: вотъ съ какой точки зрѣнія надо понимать и писать исторію Россіи».

А такъ ли все блестяще и благополучно было на самомъ дѣлѣ? «Бросьте вокругъ себя мысленный взоръ,—говоритъ И. С. Тургеневъ:—взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на трехсотенный комплектъ студентовъ (послѣ 1848 г.), поѣздки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно виситъ надъ всѣмъ такъ

называемымъ ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и приниженность во всѣхъ, хоть рукой махни!..» Все было смирно, и ничего даже не шевелилось, а только бродило глубоко, но смутно въ нѣкоторыхъ молодыхъ умахъ».

Эта работа мысли немногихъ избранныхъ, лишенная возможности проявляться и сказываться со всей полнотой въ литературѣ, уходила въ словесные споры и диспуты между собой въ своихъ кружкахъ. Въ Москвѣ, болѣе удаленной отъ направляющаго бдительнаго ока петербургскаго начальства, эта работа общественной мысли сказывалась сильнѣе и отчетливѣе. Здѣсь въ этихъ спорахъ и дебатахъ образованной части русскаго общества тѣхъ временъ создались и выросли до крупнаго явленія русской жизни основныя общественныя направленія—западничество и славянофильство, посмотрѣвшія на прошедшее, настоящее и будущее Россіи не такъ, какъ гр. Уваровъ и его подчиненные и вольные и невольные единомышленники, въ родѣ московскихъ профессоровъ М. П. Погодина и С. П. Шевырева, писавшихъ о «гніеніи Европы», отравленной реформаціей и революціей и требовавшихъ полнаго отграниченія Россіи съ ея самобытными вѣчными началами отъ этой гибнущей въ безвѣріи и забвеніи старыхъ государственныхъ устоевъ Европы.

«Во главѣ западниковъ стояли А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій и В. Г. Бѣлинскій. Эти люди и ихъ соратники воспитались въ идеалахъ передовой западно-европейской мысли той поры ея развитія, когда въ общее гуманистическое ея направленіе вошли «двѣ новыя живительныя струи—идеалистическая философія, которая внесла въ духовный міръ человѣка и въ пониманіе исторіи идею законосообразнаго, мирнаго, органическаго развитія, идею прогресса,—и политическій либерализмъ, которому положилъ прочное основаніе переворотъ 1789 года. Этотъ обогащенный, облагороженный новыми идеями XIX-го вѣка гуманизмъ—продуктъ европейской общечеловѣческой цивилизаціи,—вотъ что пытались провести въ наше общество русскіе гуманисты, такъ называемые западники сороковыхъ годовъ. Не замѣну національнаго западнымъ ставили они себѣ цѣлью, а воспитаніе русскаго общества на европейской универсальной культурѣ, чтобы поднять національное развитіе на степень общечеловѣческаго, дать ему міровое значеніе».

«Славянофилами была прозвана группа лицъ, во главѣ которой стояли А. С. Хомяковъ, братья Иванъ и Петръ Кирѣевскіе, Константинъ Аксаковъ и др. Формально они сходились во многомъ съ Уваровскимъ или, по выраженію А. И. Герцена, «Петербургскимъ славянофильствомъ»; девизомъ и у нихъ были тѣ же православіе, самодержавіе и народность, но въ дѣйствительности въ эти лозунги было вложено ими совершенно своеобразное содержаніе. Это были не націоналисты—охранители всего тогдашняго режима, а націоналисты-прогрессисты, хотя имъ казалось, что идеалы ихъ гдѣ-то позади, въ далекомъ историческомъ прошломъ Россіи. Съ новымъ петербургскимъ періодомъ русской исторіи они не мирились ни въ чемъ, вплоть до одежды общеевропейскаго образца и демонстративно стали одѣваться въ русскую народную одежду. Они не мирились съ порабощеніемъ Россіи всесильной бюрократіей, съ рабствомъ государству церкви, съ рабствомъ слова и мысли, наконецъ особенно съ крѣпостнымъ рабствомъ—не мирились со всей этой скорбью жизни русскаго народа и общества во имя высокихъ идеальныхъ представленій о русскомъ народѣ и о началахъ его быта, выработанныхъ имъ въ своей исторіи...

«Православіе разсматрибалось этими искренно вѣрующими людьми, какъ не оцѣненная Западомъ наивысшая форма религіознаго сознанія. Имъ, конечно, были чужды тѣ жестокіе пріемы, какими православіе внѣдрялось тогда среди старообрядцевъ и сектантовъ. Свобода вѣрующей совѣсти была въ ихъ глазахъ первымъ условіемъ желаннаго ими возрожденія церковно-общественной жизни, для которой они желали соборнаго и выборнаго началъ и т. д.

«Самодержавіе въ пониманіи славянофиловъ точно также являлось вовсе не апологіей, защитой николаевскаго режима, какъ то сплошь и рядомъ было у представителей казеннаго патріотизма, а своеобразною утопическою мечтой о возвышенномъ, сердечномъ союзѣ верховной власти и народа, мирно подѣлившихъ области государственной жизни: Царю—вся полнота власти, Народу—сила мнѣнія, свободно выражаемаго въ печати и въ собраніяхъ, въ народной сходкѣ и сполна—въ земскихъ всенародныхъ соборахъ. Этотъ любовный союзъ власти и народа противополагался политическому конституціонному либерализму, основанному, по мнѣнію славянофиловъ, на договорномъ эгоизмѣ, этой чертѣ западно-европейскаго развитія, выросшаго

на основѣ борьбы узкосословныхъ и классовыхъ интересовъ. Въ Россіи и ея исторіи—въ частности въ періодѣ московскихъ царей до Петра I—славянофилы думали видѣть проявленіе противоположнаго западно-европейскому принципу эгоизма принципъ любви, который особливо осуществляется въ общинномъ началѣ, этой основной стихіи русскаго народа.

«Славянофилы, такимъ образомъ, смотрѣли на народъ или точнѣе на крестьянъ, не съ одною жалостью о безправномъ его положеніи, но съ уваженіемъ, какъ на хранителя началъ высшей цѣнности, имѣющихъ переродить міръ. Поэтому они высоко ставили въ своихъ убѣжденіяхъ народность: эта народность, какъ своеобразіе въ жизни, литературѣ, искусствѣ, была порукою особыхъ правъ русскаго народа на признаніе и уваженіе. Этнографическія изслѣдованія русской народности съ ея своеобычной, старой и очень оригинальной культурой подкрѣпляли своими богатѣйшими открытіями это увлеченіе народностью. Во всемъ этомъ находило обильную пищу безсознательное, но тѣмъ не менѣе искреннее демократическое чувство. Общая постановка вопроса о народности, какъ вопроса о жизни и судьбѣ массъ, была одной изъ видныхъ историческихъ заслугъ стараго славянофильства сороковыхъ годовъ. Позднѣе, въ началѣ слѣдующаго царствованія, славянофилы приняли и прямое участіе въ реформахъ императора Александра II-го наравнѣ съ западниками... Вообще надо сказать, что формально болѣе близкіе къ казенному патріотизму, по существу славянофилы были неизмѣримо ближе къ западничеству.» (Г. Вѣтринскій, «Герценъ» стр. 118—120).

«Да, мы были противниками ихъ (т.-е. славянофиловъ),—говоритъ А. И. Герценъ,—но очень странными. У насъ была *одна* любовь, но не *одинакая*. У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество,—чувство безграничной, охватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ *сердце билось одно*». И для Уварова, напримѣръ, славянофильское ученіе было, по меньшей мѣрѣ, столь же непріемлемо, какъ и западничество, и славянофилы потерпѣли преслѣдованій не менѣе, нежели западники. Зато тогдашнее просвѣщенное общество, говоря

словами А. И. Герцена, «въ лицѣ Грановскаго привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее. Въ лицѣ славянофиловъ оно протестовало противъ оскорбленнаго чувства народности».

Но между собой обѣ группы вели нескончаемую ожесточенную словесную борьбу; основнымъ предметомъ разногласія обѣихъ группъ, былъ вопросъ который въ элементарной формѣ можно выразить такъ: несетъ ли Россія всѣмъ своимъ историческимъ бытіемъ новое слово Европѣ, или все историческое бытіе ея есть только разновидность, ручеекъ въ общемъ потокѣ историческаго развитія и должно будетъ привести къ тѣмъ же исходнымъ результатамъ, какіе намѣчаются въ общемъ развитіи человѣчества?

Лишенные по тогдашнимъ цензурнымъ и политическимъ условіямъ почти всякой возможности вести свою борьбу или свой споръ путемъ печати, западники и славянофилы должны были прибѣгнуть къ словеснымъ турнирамъ на довольно таки замкнутыхъ аренахъ, которыми послужили для нихъ гостиныя и салоны московскихъ и подмосковныхъ дворянскихъ домовъ. Споры разражались между западниками и славянофилами по всякому удобному къ тому поводу, вопросу, случаю; особенно богатый матеріалъ для столкновеній давали литературныя и философскія темы.

«Москва,—вспоминаетъ А. И. Герценъ,—входила тогда въ ту эпоху возбужденности умственныхъ интересовъ, когда литературные вопросы, за невозможностью политическихъ, становились вопросами жизни. Появленіе замѣчательной книги, напримѣръ, «Мертвыхъ душъ», составляло событіе; критики и антикритики читались и комментировались съ тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ бывало въ Англіи или во Франціи слѣдили за парламентскими преніями. Подавленность всѣхъ другихъ сферъ человѣческой дѣятельности бросала образованную часть общества въ книжный міръ и въ немъ одномъ, дѣйствительно, совершался глухо и полусловами протестъ противъ гнета...» «Говоря о московскихъ гостиныхъ и столовыхъ, я говорю о тѣхъ, въ которыхъ нѣкогда царилъ А. С. Пушкинъ, гдѣ до насъ декабристы давали тонъ, гдѣ смѣялся Грибоѣдовъ, гдѣ М. Ѳ. Орловъ и А. П. Ермоловъ встрѣчали дружескій привѣтъ, потому что они были въ опалѣ; гдѣ, наконецъ, А. С. Хомяковъ спорилъ до 4-хъ часовъ утра, начавши въ девять; гдѣ К. Аксаковъ, съ мурмол-

кой въ рукѣ свирѣпствовалъ за Москву, на которую никто не нападалъ, и никогда не бралъ въ руки бокала шампанскаго, чтобы не сотворить тайно моленіе и тостъ, который всѣ знали; гдѣ Рѣдкинъ выводилъ логически личнаго Бога—ad majorem gloriam Hegelij; гдѣ Грановскій являлся со своей тихой, но твердой рѣчью; гдѣ всѣ помнили Бакунина и Станкевича; гдѣ Чаадаевъ, тщательно одѣтый, съ нѣжнымъ, какъ изъ воску лицомъ, сердилъ оторопѣвшихъ аристократовъ и православныхъ славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму, и намѣренно замороженными; гдѣ молодой старикъ А. И. Тургеневъ мило сплетничалъ обо всѣхъ знаменитостяхъ Европы, отъ Шатобріана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнгагенъ; гдѣ Боткинъ и Крюковъ пантеистически наслаждались разсказами М. С. Щепкина, и куда, наконецъ, иногда падалъ, какъ конгревова ракета Бѣлинскій, выжигая кругомъ все, что попадалось. «Въ этихъ кружкахъ скоро сталъ видной, руководящей величиной и самъ А. И. Герценъ:—живой, умный,—говоритъ о немъ А. В. Станкевичъ,—разнообразно образованный, полный интересовъ научныхъ и общественныхъ, даровитый и остроумный, онъ соединялъ въ себѣ все, что дѣлало его бесѣду и сообщество привлекательнымъ и живительнымъ»...

На картинѣ, изображающей одно изъ такихъ вечернихъ собраній-диспутовъ въ Москвѣ начала 40-хъ годовъ, изображены нѣкоторые изъ названныхъ выше лицъ. Въ лѣвой части картины (отъ зрителя) на первомъ планѣ, прислонившись къ колоннѣ, М. С. Щепкинъ что-то оживленно разсказываетъ С. П. Боткину (en face къ зрителю) и неизвѣстному господину въ модномъ сюртучкѣ. Въ центрѣ картины здоровается съ хозяиномъ дома, быть-можетъ, только-что пріѣхавшій въ этотъ день изъ Петербурга В. Г. Бѣлинскій; за столомъ сидятъ П. Я. Чаадаевъ (съ трубкой) и Т. Н. Грановскій; противъ нихъ что-то убѣдительно доказываетъ своимъ собесѣдникамъ К. С. Аксаковъ, одѣтый въ русскій кафтанъ; надъ нимъ, на одномъ планѣ съ Т. Н. Грановскимъ, видна фигура А. С. Хомякова, бесѣдующаго съ кѣмъ-то, сидящимъ за колонной; рядомъ съ Хомяковымъ стоитъ Панаевъ; въ правой части картины стоитъ, скрестивши на груди руки, А. И. Герценъ и совсѣмъ въ углу бесѣдуетъ съ дамой «молодой старикъ» А. И. Тургеневъ. Остальные—публика, тѣ лица, о которыхъ—разсказываетъ А. И. Герценъ:—«на эти вечера»—пишетъ онъ,—пріѣзжали охотники, даже охотницы и сидѣли до двухъ

часовъ ночи, чтобы посмотрѣть, кто изъ матадоровъ кого отдѣлаетъ и какъ отдѣлаютъ его самого; пріѣзжали въ томъ родѣ, какъ встарь ѣздили на кулачные бои и въ амфитеатръ, что за Рогожской заставой»... Впрочемъ и эта Москва не оставалась совсѣмъ безучастной къ спорамъ и не ограничивалась однимъ внѣшнимъ любопытствомъ и принимала дѣятельное участіе въ спорахъ «за мурмолки и противъ нихъ; барыни и барышни читали статьи очень скучныя, слушали пренія очень длинныя, спорили сами за К. Аксакова или за Грановскаго, жалѣя только, что Аксаковъ слишкомъ славянинъ, а Грановскій недостаточно патріотъ».

Въ открытую дверь видны въ сосѣдней комнатѣ тѣ, кто предпочитали карточную игру всякимъ спорамъ и разговорамъ; это—старшее поколѣніе безразличной части московскаго общества. «Вообще въ Москвѣ,—говоритъ А. И. Герценъ,—жизнь больше деревенская, чѣмъ городская, только господскіе дома близко другъ отъ друга. Въ ней не приходитъ все къ одному знаменателю, а живутъ себѣ образцы разныхъ временъ, образованій, слоевъ, широтъ и долготъ русскихъ. Въ ней Ларины и Фамусовы спокойно оканчиваютъ свой вѣкъ; но не только они, а и Владиміръ Ленскій и нашъ чудакъ Чацкій; Онѣгиныхъ было даже слишкомъ много. Мало занятые, всѣ они жили не торопясь, безъ особыхъ заботъ, спустя рукава. Помѣщичья распущенность, признаться сказать, намъ по душѣ; въ ней есть своя ширь, которую мы не находимъ въ мѣщанской жизни Запада... Хоръ этого общества былъ составленъ изъ неслужащихъ помѣщиковъ или служащихъ не для себя, а для успокоенія родственниковъ, людей достаточныхъ, изъ молодыхъ литераторовъ и профессоровъ. Въ этомъ обществѣ была та свобода неустоявшихся отношеній и неприведенныхъ въ косный порядокъ обычаевъ, которой нѣтъ въ старой европейской жизни, и въ то же время въ немъ сохранилась привитая намъ воспитаніемъ традиція западной вѣжливости, которая на Западѣ исчезаетъ; она съ примѣсью славянскаго laisser faire, а подъ-часъ и разгула, составляла особый русскій характеръ московскаго общества»...

«Споры возобновлялись на всѣхъ литературныхъ и нелитературныхъ вечерахъ, на которыхъ мы встрѣчались, а это было раза два или три въ недѣлю. Въ понедѣльникъ собирались у Чаадаева, въ пятницу у Свербѣева, въ воскресенье у А. П. Елагиной».

Въ спорахъ чередовались Гоголь и Гегель, Бѣлинскій и православіе и Византія, Петръ I и крѣпостное право, община и земскіе соборы и т. д. Со стороны западниковъ нападеніе велъ съ присущимъ ему блескомъ, знаніемъ и остроуміемъ обыкновенно А. И. Герценъ, котораго поддерживалъ своей тихой, но внушительной и красивой рѣчью Т. Н. Грановскій; а когда бывалъ въ Москвѣ В. Г. Бѣлинскій, то его испепеляющая рѣчь, сверкавшая и горѣвшая не столько знаніемъ и начитанностью, сколько силою искренняго чувства, отодвигала моментами съ первыхъ мѣстъ и Герцена и Грановскаго. Со стороны славянофиловъ выступалъ обыкновенно «Ильей Муромцемъ, разившимъ всѣхъ, А. С. Хомяковъ»... «Умъ сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на нихъ, богатый памятью и быстрымъ соображеніемъ, онъ горячо и неутомимо проспорилъ всю свою жизнь. Боецъ безъ устали и отдыха, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя,— словомъ, кого за убѣжденіе—убѣжденіе прочь, кого за логику— логика прочь.

«Хомяковъ былъ дѣйствительно опасный противникъ, закалившійся старый бретёръ діалектики, онъ пользовался малѣйшимъ разсѣяніемъ, малѣйшей уступкой. Необыкновенно даровитый человѣкъ, обладавшій страшной эрудиціей, онъ, какъ средневѣковые рыцари, караулившіе Богородицу, спалъ вооруженный. Во всякое время дня и ночи онъ былъ готовъ на запутаннѣйшій споръ и употреблялъ для торжества своего славянскаго воззрѣнія все на свѣтѣ — отъ казуистики византійскихъ богослововъ до тонкостей изворотливаго легиста. Возраженія его, часто мнимыя, всегда ослѣпляли и сбивали съ толку.

«Хомяковъ зналъ очень хорошо свою силу и игралъ ею; забрасывалъ словами, запугивалъ ученостью, надо всѣмъ издѣвался, заставлялъ человѣка смѣяться надъ собственными вѣрованіями и убѣжденіями, оставляя его въ сомнѣніи, есть ли *у него самого* что-нибудь завѣтное. Онъ мастерски ловилъ и мучилъ на діалектической жаровнѣ остановившихся на полдорогѣ, пугалъ робкихъ, приводилъ въ отчаяніе диллетантовъ, и при всемъ этомъ смѣялся, *какъ казалось*, отъ души. Я говорю, «какъ казалось», потому что въ нѣсколько восточныхъ чертахъ его выражалось что-то затаенное и какое-то азіатское просто

душное лукавство вмѣстѣ съ русскимъ себѣ на умѣ. Онъ вообще больше сбивалъ, чѣмъ убѣждалъ.

«Философскіе споры его состояли въ томъ, что онъ отвергалъ возможность разумомъ дойти до истины; онъ разуму давалъ одну формальную способность,—способность развивать зародыши или зерна, иначе получаемыя, относительно готовыя (т.-е. даваемыя откровеніемъ, получаемыя вѣрой). Если же разумъ оставить на самого себя, то бродя въ пустотѣ и строя категорію за категоріей, онъ можетъ обличить свои законы, но никогда не дойдетъ ни до понятія о духѣ, ни до понятія о безсмертіи и пр. На этомъ Хомяковъ и билъ на голову людей, остановившихся между религіей и наукой. Какъ они ни бились въ формахъ гегелевской методы, какія ни дѣлали построенія, Хомяковъ шелъ съ ними шагъ въ шагъ и подъ конецъ дулъ на карточный домикъ логическихъ формулъ или подставлялъ ногу и заставлялъ ихъ падать въ «матеріализмъ», отъ котораго они стыдливо отрекались, или въ «атеизмъ», котораго они просто боялись. Хомяковъ торжествовалъ».

Въ этихъ спорахъ, случалось, задѣвались самолюбія, происходили обиды, даже ссоры, но какъ-то все улаживалось у этихъ враговъ-друзей, пока во взаимоотношенія ихъ не вмѣшались третьи, тѣ, которые раздѣляя взгляды казеннаго славянофильства, только внѣшнимъ образомъ примыкали къ Хомякову, Аксакову, Кирѣевскимъ и ихъ единомышленникамъ. Въ журналахъ, редактируемыхъ Погодинымъ и Шевыревымъ, стали появляться статьи, зацѣплявшія не только Бѣлинскаго, но и Грановскаго. Они обвиняли Грановскаго въ пристрастіи къ западному развитію, къ извѣстному *порядку идей*, т.-е. обвиняли обиняком въ революціонности. Это уже пахло доносомъ, что по тогдашнимъ временамъ могло кончиться плохо. Западники не выступали противъ такихъ нападеній изъ лагеря Погодина и Шевырева, потому что все, что они могли сказать въ свою защиту и оправданіе, съ полицейской точки зрѣнія могло оказаться революціонно. Славянофилы, печатавшіеся въ журналѣ Погодина и Шевырева, не выступили на защиту западниковъ гласно. И вотъ первоначально мирныя отношенія, нарушавшіяся только теоретическимъ разногласіемъ, перешли въ настроеніе личной раздраженности, даже злобы, до полной непримиримости. Друзья раззнакомились. А обстоятельства сложились такъ, что А. И. Герценъ скоро навсегда

уѣхалъ изъ Россіи, Бѣлинскій пересталъ почти бывать въ Москвѣ по болѣзни и занятый своею журнальною дѣятельностью въ Петербургѣ, Грановскій, не боецъ по натурѣ, сталъ понемногу отходить отъ выступленій сколько-нибудь публичныхъ.

Послѣ 1845-го года замолкаетъ дѣятельность московскихъ салоновъ. Но она замолкла, сдѣлавъ свое дѣло, опредѣливъ множество боевыхъ вопросовъ грядущаго, стоявшаго не за горами, и властно выдвигавшаго на разрѣшеніе русскимъ людямъ крѣпостной вопросъ. Московскіе споры западниковъ и славянофиловъ воспитали людей, сознательно пошедшихъ на разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ общественной и государственной жизни, которые поставило на очередь 19-е февраля 1861 г., одинаково привѣтствовавшееся и западникомъ Герценомъ и славянофиломъ Аксаковымъ. Сороковые годы—это, по выраженію А. И. Герцена, удивительное время наружнаго рабства и внутренняго освобожденія—подготовляли и освобожденіе внѣшнее русскаго народа отъ цѣпей крѣпостного рабства.

Пособіемъ служили: Сочиненія *А. И. Герцена* въ изданіи Ф. Павленкова, т. II; *Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VI, VII и VIII; *Г. Вѣтринскій*, Т. Н. Грановскій и его время; *Его-же*, Герценъ; *В. Д. Смирновъ*, Аксаковы, *Н. А. Любимовъ*, М. Н. Катковъ и его историческая заслуга и др. сочиненія и книги.

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Рос- опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый ь, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго учныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ юда: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. оссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать азы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о по- іи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государ- іности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и есскомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное жественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни каго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа еніе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ ѣ татарскаго нашествія,приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію стоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на устано- и на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти даются двѣ картины: „*Баскаки*" и „*Дворъ удѣльнаго князя*".

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣ- на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ худо- венномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея юмъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) торой группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія мо- въ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ вре- въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ" государству. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ урными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся сторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей зада- зобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не о потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко е время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой хара- устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти ія, конечно, „*Смута*" и „*Расколъ церкви*". Картина 26 и 27 даютъ хара- ую сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, едставилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и срав- ьно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, ной стороны, большая сложность и многообразность явленій истори- й жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей енности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные аждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутрен- значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, й самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ— его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное ическое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положи- грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ юву исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчивают главнѣйшія изъ реформъ, ...ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указ... реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуе... какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фавор... посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—*„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Москва.